

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО, УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 95–103
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(2):95–103

Проблемы, процессуального, уголовного права и криминологии

Научная статья
УДК 343
EDN [FSED TM](#)

Юриспруденция: «ножницы» между теорией и практикой

Данил Аркадьевич Корецкий

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Введение. В начале 90-х годов XX в. рухнула система идеологических ограничений, можно было ожидать бурного развития юридической науки и получения совершенно новых результатов – если говорить о криминологии, то в первую очередь, в области учения о личности преступника и о причинах и условиях совершения преступлений. Увы, ничего подобного не произошло: не считая косметического обновления существующих теорий, революционных прорывов в научных исследованиях не наблюдается. Интенсивные качественно-количественные изменения преступности требуют новых подходов к привычным правовым и криминологическим категориям, чтобы устранить «ножницы» между научными постулатами и правоприменительной практикой, которая, по существу, вытесняет теорию или отмежевывается от нее.

Цель. Обоснование необходимости изменений в юридической науке и практике в связи с имеющимися «ножницами» между правоприменительной практикой и юридической наукой.

Теоретические основы. Развитие юридических учений носит характер «наслоения» теоретических знаний: определенный объем информации, не очень активно пополняясь и слабо обновляясь, переходит из учебника в учебник, из статьи в монографию, из монографии в диссертацию. Преступность изменяется более интенсивно, поэтому характер и практика применения законов «новой нормальности» требует «свежего» взгляда на прежние правовые и криминологические категории, которые при внимательном рассмотрении, выглядят отнюдь не так, как к ним привыкли за прошедшие десятилетия, тем более, что в правовой сфере появляются категории криминального мира.

Результаты. Принятие статьи 210.1 УК РФ обусловило необходимость изучения понятий криминального мира. Требуется изменения ошибочная теория о «неуверенности» и «тревожности» личности преступника. Необходим правопредоставляющий закон «О необходимой обороне». Криминализация и декриминализация каких-либо деяний, должна иметь криминологическую основу, а не подчиняться сиюминутной конъюнктуре. Имеют место нарушения иерархической вертикали нормативных актов, когда нижестоящие противоречат вышестоящим, в том числе и Конституции Российской Федерации. Для устранения подобных «ножниц» предлагается ряд мер.

Выводы. Явные «ножницы» между правоприменительной практикой и юридической наукой являются недопустимыми, и их устранение является первоочередной задачей науки и практики. Автор считает необходимым объединение теоретических и практических юридических категорий в рамках новой, практической криминологии, создание которой представляется назревшей задачей.

Ключевые слова: качественные изменения преступности, новые подходы к привычным юридическим категориям, проблемы статистики, высшее положение в преступной иерархии, «тревожный» преступник, практическая криминология, вытеснение теории правоприменительной практикой, судебный прецедент и закон

Для цитирования: Корецкий Д. А. Юриспруденция: «ножницы» между теорией и практикой // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 95–103. EDN [FSED TM](#)

Problems of Procedural, Criminal Law and Criminology

Original article

Jurisprudence: "scissors" between theory and practice

Danil A. Koretsky

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Introduction. In the early 90s of the 20th century, the system of ideological restrictions collapsed, one could expect the rapid development of legal science and the receipt of completely new results – if we talk about criminology, then first of all, in the field of the doctrine of the personality of the criminal and the causes and conditions of crimes. Alas, nothing like this happened: apart from cosmetic updates of existing theories, there are no revolutionary breakthroughs in scientific research. Intensive qualitative and quantitative changes in crime require new approaches to familiar legal and criminological categories in order to eliminate the "scissors" between scientific postulates and law enforcement practice, which essentially displaces theory or dissociates itself from it.

Purpose. Substantiation of the need for changes in legal science and practice due to the existing "scissors" between law enforcement practice and legal science.

Theoretical foundations. The development of legal studies has the character of a "layering" of theoretical knowledge: a certain amount of information, not very actively replenished and poorly updated, passes from textbook to textbook, from article to monograph, from monograph to dissertation. Crime is changing more intensively, therefore, the nature and practice of applying the laws of the "new normal" requires a "fresh" look at the previous legal and criminological categories, which, upon careful examination, look by no means the same as they have been accustomed to over the past decades, especially since categories of the criminal world appear in the legal sphere.

Results. The adoption of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation necessitated the study of the concepts of the criminal world. The erroneous theory of the "insecurity" and "anxiety" of the criminal's personality needs to be changed. A law-enforcing law "On necessary defense" is needed. Criminalization and decriminalization of any acts should have a criminological basis, and not be subject to momentary conjuncture. There are violations of the hierarchical vertical of regulations when those below contradict those above, including the Constitution of the Russian Federation. A number of measures are proposed to eliminate such "scissors".

Conclusions. Explicit "scissors" between law enforcement practice and legal science are unacceptable, and their elimination is the primary task of science and practice. The author considers it necessary to combine theoretical and practical legal categories within the framework of a new, practical criminology, the creation of which seems to be an urgent task.

Keywords: qualitative changes in crime, new approaches to familiar legal categories, problems of statistics, the highest position in the criminal hierarchy, a "disturbing" criminal, practical criminology, displacement of theory by law enforcement practice, judicial precedent and law

For citation: Koretsky D. A. Jurisprudence: "scissors" between theory and practice. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):95–103. (In Russ.). EDN [FSED TM](#)

Введение

В СССР юридическая наука носила ярко выраженный идеологический характер, и ее выводы были подчинены господствующим в то время идеологическим догмам. В частности, утверждалось, что причины преступности сводятся к «пережиткам прошлого» в сознании отдельных людей и во «влиянии капиталистического окружения», начисто отрицалось и наличие в социалистическом обществе категории «личность преступника».

Когда в начале 90-х годов XX в. рухнула система идеологических ограничений, можно было ожидать бурного развития юридической науки и получения совершенно новых результатов – если говорить о криминологии, то в первую очередь, в области учения о личности преступника и о причинах и условиях совершения преступлений. Увы, ничего подобного не произошло: не считая косметического обновления существующих теорий, революционных прорывов в научных исследованиях не наблюдается.

Теоретические основы

Развитие юридических учений, по удачному определению Заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора Баранова П. П. [1], носит характер «наслоения» теоретических знаний: определенный объём информации, не очень активно пополняясь и слабо обновляясь, переходит из учебника в учебник, из статьи в монографию, из монографии в диссертацию.

Преступность изменяется более интенсивно, поэтому характер и практика применения законов «новой нормальности» требует «свежего» взгляда на прежние правовые и криминологические категории, которые при внимательном рассмотрении выглядят отнюдь не так, как к ним привыкли за прошедшие десятилетия, тем более, что в правовой сфере появляются категории криминального мира: «высшее положение в преступной иерархии», «АУЕ»*, «вор в законе», «положенец», «смотрящий». Не имеющие правовых определений, перечисленные криминальные термины все же используются в практике, хотя в достаточной мере произвольно, приблизительно, а зачастую неверно. Но понятия «первой пятерки» – «членов блаткомитета» («политбюро», «тройки», «семерки»), «разводящего» («третьяка»), «держателя общака», «стремящегося», «авторитета», «бригадира» ни в криминологическую теорию, ни в правоприменительную практику не проникли.

АУЕ решением Верховного Суда РФ отнесено к экстремистским международным молодежным организациям. Больше ни одного документа, дающего определение АУЕ, перечисляющего его признаки и формы проявления, либо указывающего на какие-нибудь его конкретные характеристики, не существует.

Соглашением каких государств создана Международная негосударственная общественная организация АУЕ? Где она зарегистрирована? Кто наделил её международным правосубъектностью в соответствии с международным договором? Субъекты каких государств, которых должно быть, как минимум два, являются членами АУЕ? Да и в списке международных организаций, хотя и имеются две похожих аббревиатуры – АПА (Азиатская парламентская ассамблея) и АТПФ (Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум), места для АУЕ не нашлось. Среди мировых общественно-политических движений АУЕ тоже отсутствует. Ни сотрудники правоохранительных органов, ни криминальные элементы четкого представления о нём не имеют и считают, что никакого оформленного образования за этой аббревиатурой не стоит, это просто лозунг или криминальное приветствие типа «Жизнь ворами!», «Ворам жить вечно», «Привет всем порядочным» и т.д. В литературе обосновывается со ссылками на эмпирические и исторические источники лишь коммуникативная функция аббревиатуры «АУЕ».

Нечеткость терминологии имеет и другие негативные последствия. Так, если статья 210.1 УК РФ предусматривает наказание лишь за статус обвиняемого, то практика делает шаг назад и, ориентируясь на ст. 210 УК и постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» от 10.06.2010 г., нередко сужает её, требуя совершения определённых действий – руководства и координации преступным сообществом, участия в собраниях лидеров, раздел сфер преступного влияния и т.п. При таком подходе нахождение «коронованного вора» в отдельной камере не дает возможность применения ст. 210.1 УК, что снижает её эффективность.

Или другой пример: снижение уровня преступности, происходящее в последние годы и подтверждаемое улучшением статистических показателей, при криминологическом анализе выглядит не очень убедительным. Автор, как и все пользователи сотовой связью, практически каждый день, иногда по несколько раз подвергается звонкам мошенников, в телефоне заблокированы системой Антиспам сотни таких звонков. Аналогичному прессингу подвергаются родственники, друзья, знакомые. Сколько в России совершается в год аналогичных попыток телефонного мошенничества? Экспертами называлась цифра 20 млн звонков в день (!). В одном из докладов представителя ЦБ было озвучено, что в 2024 г. банки предотвратили 72,2 млн попыток обналичивания денежных

* 17.08.2020 г. Верховный суд России признал объединение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) экстремистской организацией и запретил его деятельность на территории страны.

средств. Каждый такой звонок есть покушение на мошенничество. Эти цифры при официальной фиксации обрушат благополучную статистическую картину, согласно которой в 2024 г. в России совершено 1911003 преступления, что на 1,8 % меньше, чем в предыдущем году¹. Существенные статистические расхождения имеются и в размере причиненного ущерба. Согласно сведениям Банка России, в 2024 г. он составил 27,5 млрд руб., а по официальной статистике – 627,9 млрд.

Результаты и обсуждение

Проблемные вопросы статистической фиксации имеются не только в сфере экономических, так называемых «выявляемых» преступлений, отличающихся высоким уровнем латентности, но и в сфере тяжких преступлений против личности («раскрываемых» преступлений), даже таких, как убийства, которые всегда традиционно считались низко латентными.

Так, число убийств и убийц снижается, а число погибших от преступных действий и при подозрительных обстоятельствах растёт. Например, в 2017 г. общее число лиц, погибших от преступных действий, составило 29,3 тыс., из них только 35% являлись жертвами убийств, остальные 65% погибли в результате иных посягательств. В дальнейшем, отмеченная диспропорция приобрела ещё более выраженный характер: так в 2023 г. от криминальных действий погибли 21 тыс. 46 чел., из них жертв убийств – 5304 (25,2%). Остальные являются потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 109 УК РФ – 3387 (16%); ст. 111 – 3479 (16,5%); ст. 264 – 6598 (31,3%); ст. 293 – 3387 (16%)².

Следует отметить, что качественные характеристики посягательств на жизнь, в том числе и «замаскированные» иной квалификацией, обостряются и имеют крайне негативные тенденции. Это обусловлено неблагоприятными социально-экономическими причинами, ростом агрессивности и конфликтности в обществе, насаждением культа силы, результатом которого стало бурное развитие субкультуры ММА и совершение тяжких насильственных преступлений мастерами всевозможных единоборств. Широкое распространение получили жестокие групповые избиения жертвы, в результате которых ей причиняется смерть или тяжкие увечья. Особенно настораживает отчётливо наблюдаемый тренд на отсутствие острой реакции со стороны правоохранительных органов, а когда, под давлением общественного резонанса, они всё же принимают какие-то меры, то с необъяснимой склонностью преуменьшить вину и смягчить ответственность преступников! [2, с. 29–30].

Имеется немало резонансных примеров, когда уверенные в безнаказанности по опыту предыдущего поведения, преступники жестоко расправляются с лицами, пытающимися им противостоять, или даже просто сделать им замечание. Можно констатировать, что появилась преступная субкультура, противопоставляющая себя закону, нормам правопорядка, нацеленная на доминирование в обществе, и в этих целях демонстративно и беспощадно подавляющая попытки законного противодействия граждан. При этом действия её носителей противоречат устойчивым традициям любого цивилизованного народа, запрещающих группой нападать на одного, бить лежащего, причём наносить удары ногами в голову и т.д.

В последние годы на телевизионных площадках, в СМИ и интернете высказывается много предложений по «усилению борьбы с преступностью», которые сводятся к принятию «хороших» законов вместо «плохих», созданию новых, более эффективных органов борьбы с правонарушениями, например «СМЕРШа»(?!), который исправит положение, ужесточению наказания, вплоть до возвращения в реальный оборот смертной казни... Имеются и предложения по «улучшению» криминологической науки: созданию частных криминологических теорий по отдельным видам преступлений либо отдельным направлениям их предупреждения, переименованию криминологии и даже формированию «военно-полевой» криминологии, хотя упомянутые прилагательные, весьма специфически характеризуют определяемое ими существительное, что известно по терминам «военно-полевые суды» и «военно-полевая хирургия».

Абсурдность подобных «рекомендаций», противоречащих хорошо известным классическим постулатам противодействия преступности и предмету науки о ней, для специалистов очевидна и не требует разъяснений. Так, при вмешательстве в резонансные дела А. И. Бастрыкина, существующие правоохранительные органы в рамках действующих законов правильно квалифицировали преступления против жизни, значит, дело в недостатках толкования *действующих* законов научными работниками, правоприменителями и *практике применения* этих законов! [2].

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр».

² Данные ФКУ ГИАЦ МВД России, Ф. 445 кн. 1. Сборник по Российской Федерации. «Сведения о количестве потерпевших». Превышение 100% объясняются, очевидно, совокупностью преступлений.

Введение уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) обусловило необходимость изучения понятия и структуры преступной иерархии, её ступеней от низшего положения до высшего; криминальных рангов такое положение определяющих; понятия, содержания и структуры признанного экстремистским движением (субкультуры, организации) АУЕ и т.п. [3] Эти категории находятся за пределами традиционной российской криминологии, но теперь требуют пристального изучения, а также новых подходов к изучению новых аспектов учения о личности преступника. Исследованием этих важных вопросов, на наш взгляд, должна заниматься новая, практическая криминология, в которой теоретические вопросы переплетаются с практической деятельностью по борьбе с преступностью.

Не вдаваясь в объяснение причин такого феномена, можно констатировать, что в последние годы, застою в юридической науке, сопутствуют «ножницы» между существующими научными постулатами и правоприменительной практикой. Хуже всего, что такие же «ножницы» наблюдаются между наукой, реальностью и законотворчеством, которое призвано эти категории отражать.

Наряду со спорными, в связи со сложностью изучения, толкованиями мотивации лиц, совершающих преступления, приходится встречаться и с такими утверждениями, касающимися личности преступника, которые явно противоречат реальности. Например: «Преступник – это личность со значительно более высоким уровнем тревожности и неуверенности в себе, импульсивности и агрессивности, отчужденности от общественных ценностей и полезного общения... Такие черты в наибольшей степени присущи тем, кто совершает грабежи, разбойные нападения, изнасилования, убийства или наносит тяжкие телесные повреждения...» [4, с. 80].

Откуда в криминологической теории появилось совершенно не соответствующее действительности, а напротив – явно противоречащее ей, представление о «повышенной тревожности и неуверенности в себе», якобы свойственных преступникам, причём совершающим особо тяжкие деяния, не ограничивающиеся нарушением абстрактного закона, а посягающие на другого человека, сопротивление которого, для достижения преступной цели предстоит жестоко и кроваво подавить? И как эти свойства мирно уживаются в том же определении со своими антонимами – импульсивностью и агрессивностью?

Под тревожностью авторы понимают страх небытия, несуществования: страх смерти и постоянное беспокойство и неуверенность. Это некий симбиоз фрейдизма с элементами экзистенциализма, причём на такие комплексы ни один из интервьюируемых автором преступников не жаловался, и даже о них не подозревал. В подтверждение своей концепции, учёные в качестве примера, приводят дело 27-летнего Д., который «у входа в кинотеатр убил несовершеннолетнего. Д. пояснил, что потерпевший сказал что-то обидное о нём, что именно, он не знал. Само это объяснение, якобы, говорит о повышенной тревожности убийцы (?? Д.К.). К тому же он всё время носил с собой нож и однажды ударил им в спину человека, который, по его мнению, оскорбил его [4, с. 97–98].

Подобная трактовка «повышенной тревожности» абсолютно непонятна.

Психофизиология совершения преступления (преодоление моральных запретов; страха перед нарушением закона, сопротивлением потерпевшего, иных лиц и представителей власти; готовность проявлять жестокость и причинять вред другим людям; преодоление воздействия стрессовой ситуации; преодоление тревоги перед разоблачением и др.) во многом совпадают с психофизиологией рискованных действий в опасных профессиях и занятиях – прыжки с парашютом, альпинизм, тушение пожара и т.д. [5]. Вполне понятно, что человек страдающий повышенной тревожностью и неуверенностью в себе, не занимается деятельностью, связанной с риском, а именно таким видом деятельности является совершение преступлений!

Известная в Ростове н/Д банда «Фантомасов» среди бела дня, в меньшинстве, совершала нападения на магазины, вооружённых кассиров и инкассаторов, неоднократно им приходилось вступать в перестрелки, в которых Г. несколько раз получал ранения, подорвавшие его «боевой дух», а С. был убит. Банда Билыков использовала в преступной деятельности автоматы, совершила несколько убийств, в том числе застрелила в перестрелке двух инспекторов ДПС ГИБДД, С-й так же был убит при задержании. Банды Османова и Сажина, вооружённые автоматическим оружием, неоднократно открывали огонь на улицах городов, а однажды расстреляли большую компанию на банкете в одном из ресторанов Северного Кавказа. Разве эти несколько случаев из длинного ряда аналогичных свидетельствуют о «тревожности и неуверенности» бандитов? Напротив, в период их действий тревожность и неуверенность испытывали законопослушные граждане, особенно – кассиры, инкассаторы, работники милиции, водители... Маниакальные убийцы Чикатило, Цюман, Головкин (Фишер)

держали в страхе целые города и регионы, а банда «ГТА» практически парализовала ночное движение на шоссе М-4! [6]

Остается без внимания качественная подмена разных по направленности и целям законов. Так, проблемы, существующие в правоприменительной практике при оценке состояния необходимой обороны всем хорошо известны. Но без внимания остаётся вопрос о том, что ни Конституция РФ, ни другие правонаделющие законы, в том числе тот, от которого этого можно было ожидать в первую очередь – Закон «Об оружии», вообще не предоставляют гражданам право на необходимую оборону!

Лишь Уголовный кодекс, основной задачей которого являются охранительные и наказательные меры, регламентирует этот институт, причём специфическим образом: он обещает, в порядке исключения, не привлекать к уголовной ответственности тех лиц, которые не превысили её пределов! Это совершенно разные правовые дефиниции, как по содержанию, так и по смыслу: ибо одно дело быть наделённым правом на оборону и достойно им воспользоваться, а совсем другое – изначально стать подозреваемым в преступлении и, после долгих судебно-следственных процедур, как верблюд через игольное ушко, обдирая бока, пролезть сквозь узкие рамки этих самых пределов и, возможно, избежать наказания! Это очень похоже на судьбу всех фигурантов уголовных дел: чаще их осуждают, однако некоторых, по разным основаниям, в том числе за недоказанность вины, освобождают от уголовной ответственности! Но допустимо ли ставить на одну доску лицо, достойно и правомерно защитившее себя или кого-то другого от преступного посягательства, и лицо, такое посягательство совершившее? Допустимо ли подменять правоустанавливающую норму охранительно-запретительной? Переходя на общепонятные аналогии, если одному передовику производства в поощрение дали квартиру, а у другого за доблестный труд не отобрали уже имеющуюся, вряд ли можно считать, что за равнозначные достижения оба лица в равной мере воспользовались положенными привилегиями и были одинаково поощрены!

К тому же, охранительная направленность Уголовного кодекса изначально ставит обороняющегося в затруднительное положение, заботясь о нападающем и тем самым ухудшая возможности защиты. Ведь преступник имеет ряд преимуществ: он выбирает удобное ему место и время нападения, подбирает подходящую жертву по внешнему виду (телосложение, манеры поведения), прорабатывает лучший и худший варианты развития событий и продумывает, как обеспечить достижение преступной цели с помощью оружия или заменяющих его предметов, а главное – он психологически готов к нападению, и зачастую уже имеет опыт успешного применения насилия. При таких условиях, потерпевший изначально и заведомо обречён на поражение, но уголовный закон дополнительно ограничивает его возможности требуя, во-первых, определить характер применяемого или угрожающего насилия, как опасного или не опасного для жизни, а во-вторых, не допустить превышения пределов необходимой обороны. Это объективно невыполнимые и абсурдные требования - словно обязать законопослушного гражданина сражаться с выскочившим из-за угла ночным разбойником по правилам дуэльного кодекса!

В средствах массовой информации недавнее решение Верховного суда по делу жителя Твери А. Зобенкова, оправданного за защиту себя, избитого до полусмерти товарища и трехлетней дочери от трёх вооружённых палками нападавших с применением ножа, в результате чего нападающие были убиты, трактуется как расширение прав на защиту, которое теперь обязано учитываться другими судами.¹ В действительности, дело обстоит ровно наоборот: статья 37 УК РФ предусматривает, что если посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, то любое причинение вреда посягающему лицу не является преступлением. То есть действия Зобенкова изначально являлись необходимой обороной и не содержали признаков преступления, тем не менее, он несколько лет провёл под стражей и судами первой и апелляционной инстанции был осуждён за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах по статье 105 УК РФ. Собственно, как хорошо известно не только специалистам, это стереотипное, противоречащее ст. 37 УК РФ, проявление обвинительной оценки судами действий обороняющегося. После решения Верховного суда по настоящему делу суды получат новый ориентир и вместо самостоятельной оценки понятия опасности для жизни будут считать таковой только нападение трех вооружённых палками злоумышленников на человека с трехлетним ребенком на руках...

¹ Правдин В. Защищать детей в России теперь можно и с ножом – Верховный суд пересмотрел решение о самообороне. Vfokuse.mail.ru, 27.04.2025

В связи с данным делом, в средствах массовой информации появились и сообщения о том, что теперь разрешено использовать для самообороны ножи. Такое толкование состоявшегося решения тоже вводит граждан в заблуждение: пункт 6 ст. 6 ФЗ закона «Об оружии» прямо запрещает ношение гражданами в целях самообороны холодного оружия. Запрещен и оборот автоматически открывающихся ножей при длине клинка и лезвия более 90 мм. Ношение ножей, не относящихся к категории холодного оружия и не попадающих под приведенные выше ограничения, законом не регламентируется, но и не приветствуется, особенно, если эти действия совершены в местах и при обстоятельствах, явно не соответствующих целевому назначению носимых ножей.

Следует заметить, что в настоящее время давно разработанные, хорошо известные, изложенные в научной и учебной литературе, базисные основы уголовного права, вытесняются из практики, зачастую заменяясь Постановлениями судов высших инстанций. Так обстоит дело с обоснованием применения уголовного наказания за присвоение находки: поскольку данный состав, давно декриминализирован, лицо привлекают к ответственности за кражу, обосновывая это надуманными признаками, которые всегда относились к подтверждению умысла на присвоение находки и никакого отношения к диспозиции ст. 158 УК РФ не имеют [7].

По существу, судебная практика то ли вытесняет теорию уголовного права, на которой должна основываться, то ли отмежевывается от нее. Автору известен спор двух правоприменителей, один из которых утверждал, что теоретические основы, изложенные в учебниках и монографиях, не играют роли при вынесении судебных решений, которые должны основываться на руководящих разъяснениях высших судов. Оппонент резонно заметил, что при такой позиции надо сдать диплом юриста, который получен как раз за знание теории юриспруденции. На столь убедительный довод трудно что-то возразить, впрочем, так же трудно представить, что кто-то воспользуется этим, несомненно дельным советом [7, с. 82].

Можно отметить, что в настоящее время юридическая наука фактически вытеснена из законотворческой и правоприменительной деятельности. Хаотическое, массовое и противоречивое, основанное не на криминологических исследованиях, а на «резонансных» делах или сиюминутной конъюнктуре, изменение уголовно-правовых норм привели, по существу, к уничтожению уголовного кодекса, как стабильного, универсального, систематизированного и структурированного уголовно-правового акта. Внесение в него за время действия тысячи изменений и дополнений – это процесс обратный тому, что называется кодификацией, наоборот – это скорей, дефрагментация единого нормативного комплекса. Между тем, такое вредное явление не привлекает настороженного внимания, напротив: появилось устойчивое мнение, что это нормальный процесс законотворчества, и если принятый закон не работает, то ничего страшного: его можно изменить, либо принять новый. Такое мнение противоречит общеизвестным положениям юридической науки. Больше того – вопреки известному постулату о том, что главное не жестокость наказания, а неотвратимость ответственности, зачастую открыто провозглашается курс на ужесточение санкций за ряд уголовно-правовых и административных составов. В то же время декриминализируются вроде бы малозначительные преступления, например, побои, как правило, предшествующие убийствам в бытовой сфере и выполнявшие функции «двойной превенции».

Нарушается иерархическая вертикаль нормативных актов, зачастую нижестоящие правовые акты противоречат вышестоящим, в том числе и фундаментальным. Этот процесс затронул даже сферу аттестации научных кадров, которые и должны ковать основополагающие принципы юриспруденции. Наглядный пример подобных правовых оценок в данной сфере автор получил недавно, приняв участие в заседании диссертационного совета уважаемого вуза по вопросу о лишении ученой степени лица, защитившего кандидатскую диссертацию более десяти лет назад. Суть проблемы состоит в том, что защита состоялась в 2011 г. по «Положению о порядке присуждения ученых степеней», утвержденному Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 74 с последующими изменениями. По этому документу срок обжалования защищенной диссертации составлял три года.

В 2013 г. было принято новое Положение, которым установлено, что срок обжалования увеличен с трех до десяти лет, в том числе и для ранее защищенных диссертаций. То есть, было допущено нарушение одной из фундаментальных основ юриспруденции – недопустимости обратной силы закона, устанавливающего или отягчающего ответственность. Этот принцип закреплен в статье 54 Конституции Российской Федерации.

Более того, к моменту рассмотрения вопроса истекли уже и десять лет, предусмотренные новым Положением, однако в нем оговаривается, что этот срок приостанавливается подачей заявления о лишении ученой степени! Но ведь известно, что даже в сфере уголовного правоприменения, срок давности истекает, когда прошло предусмотренное законом количество лет, и приостанавливается только противоправными действиями виновного, а не какими-либо действиями третьих лиц (статья 78 УК РФ)!

Создается парадоксальная и противоестественная ситуация: если бы в 2011 г. лицо совершило тяжкое преступление – выбило кому-нибудь глаз, нанесло проникающие ножевые ранения в грудную клетку, совершило изнасилование в составе организованной группы или вооруженный групповой разбой, то сейчас его бы освободили от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности. А за нарушение правил подготовки диссертаций, даже если они действительно имели место, наказание в виде лишения ученой степени почему-то наступает!

Юристы знают, что если какие-либо правовые установления противоречат нормам, расположенным выше на иерархической лестнице, то они подлежат опротестованию и отмене. Тем более, если речь идет о противоречии с актом абсолютной юридической силы, каковой является Конституция Российской Федерации [8, с. 32].

Удивительно то, что в приведенном случае члены Совета – высококвалифицированные юристы, доктора наук и профессора, не усмотрели в противоречии нормативного акта правительства Основному закону страны ничего удивительного, сославшись на длительную практику его применения. Была высказана и позиция о том, что статья 54 Конституции распространяется только на не имеющие обратной силы законы, устанавливающие или отягчающие ответственность, но не на подзаконные нормативные акты. Такое, с позволения сказать, «доктринальное толкование» не выдерживает критики, ибо прямо противоречит значимости Основного закона, устанавливающего фундаментальные принципы, из которых вытекают и все остальные концептуальные подходы к регулированию той или иной сферы отношений. К тому же подобное толкование может относиться только к компетенции Конституционного суда, реализуемой в форме особого вида нормативных начал – конституционно-судебных нормоустановлений [9, с. 122].

Выводы и предложения

1. Явные «ножницы» между правоприменительной практикой и юридической наукой являются недопустимыми, и их устранение является первоочередной задачей науки и практики.

2. Юридическая наука должна избавляться от догматических и морально устаревших норм, разрабатывая новые ориентиры для законотворчества и юридической практики.

3. Юридическая практика нуждается в совершенствовании, но это совершенствование должно основываться на общепризнанных установлениях юридической науки, а не противоречить ей.

4. Ошибочными, противоречащими устойчивым постулатам науки тенденциями являются:

А) Отход от теории и переход на обыденные, сложившиеся в практике представления: выход на первый план в регулировании уголовной политики репрессивных мер, их направленность не на причины и условия преступности, а на предметы и орудия преступлений; использование уголовно-правовых мер воздействия на действия и поведение, которое может предшествовать преступлению, но не обязательно его порождает, то есть, по существу, криминализация поведения, не обладающего общественной опасностью [10].

Б) Вытеснение из правоприменительной практики научных постулатов, которые являются фундаментом правоприменительной деятельности в уголовно-правовой сфере.

В) Возрастание роли фактического судебного прецедента, который таковым не признается.

Г) Отсутствие практически значимых актуальных тем диссертационных исследований, зачастую отсутствие эмпирической базы диссертаций, а при её наличии явные признаки недостоверности методов ее сбора, накопления, систематизации и анализа.

5. Проблемы, поставленные в настоящей статье, можно считать доводами в пользу возможной разработки новой, «Практической криминологии», создание которой представляется назревшей задачей.

Список источников

1. Баранов П. П. Кризис юридической науки в современном мире // Философия права. 2015. № 1. С. 29-36.

2. Корецкий Д. А., Стешич Е. С. Убийства: баланс правовой защищенности обвиняемого и потерпевшего // Законность. 2024. № 10. С. 29-41.

3. Корецкий Д. А., Сергеев Д. Н. Попытка использования в праве категорий криминального мира // *Законность*. 2024. № 6. С. 38–44.
4. Криминология / Под редакцией академика В. Н. Кудрявцева и профессора В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1977. 800 с.
5. Корецкий Д. А., Халява О. В. Личность преступника: терминологические и сущностные проблемы // *Уральский журнал правовых исследований*. 2022. № 3. С. 36–42.
6. Корецкий Д. А. Оценка личности преступника в теории и практике // *Уральский журнал правовых исследований*. 2023. № 3 (24). С. 3–20.
7. Корецкий Д. А., Стешич Е. С. Кража, находка, закон и теория уголовного права // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2023. Том 10. № 4. С. 75–83.
8. Корецкий Д. А. Уголовно-правовое законодательство в условиях «новой нормальности» и современный конституционализм // *Российская юстиция*. 2022. № 5. С. 30–34.
9. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 543 с.
10. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности» // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 476. С. 248–256.

References

1. Baranov P. P. The crisis of legal science in the modern world. *Philosophy of law*. 2015;(1):29–36. (In Russ.)
2. Koretsky D. A., Steshich E. S. Murders: the balance of legal protection of the accused and the victim. *Zakonnost Journal*. 2024;(10):29–41. (In Russ.)
3. Koretsky D. A., Sergeev D. N. An attempt to use categories of the criminal world in law. *Zakonnost Journal*. 2024;(6):38–44. (In Russ.)
4. *Criminology*. Edited by academician V. N. Kudryavtsev and Professor V.E. Eminov. Moscow; 1977. 800 p. (In Russ.)
5. Koretsky D. A., Khalyava O. V. The identity of the criminal: terminological and essential problems. *Ural Journal of Legal Research*. 2022;(3):36–42. (In Russ.)
6. Koretsky D. A. Criminal personality assessment in theory and practice. *Ural Journal of Legal Research*. 2023;3(24):3–20. (In Russ.)
7. Koretsky D. A., Steshich E. S. Theft, discovery, law and theory of criminal law. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023;10(4):75–83. (In Russ.)
8. Koretsky D. A. Criminal law lawmaking in the context of the "new normality" and modern constitutionalism. *Russian justice*. 2022;(5):30–34. (In Russ.)
9. Bondar N. S. *Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice*. Moscow: Norma: Infra-M, 2011. 543 p. (In Russ.)
10. Koretsky D. A., Steshich E. S. Criminal and legal aspects of preventive activities in the context of the "new normality". *Bulletin of Tomsk State University*. 2022;(476):248–256. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Корецкий – Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ЮФУ.

Information about the author

D. A. Koretsky – Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci (Law), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 25.04.2025; approved after reviewing 29.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.